

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

ПЕРСИДСКАЯ СТРУНА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

от Державина до Серебряного века

*Ликуй, Иран! Твоя краса —
Как отблеск радуги огнистый!
Земля цветёт — и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!*

*Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,
И око мира, падишах,
Сей Лев Ислама, меч Пророка!*

Л. А. Якубович

*Дело в том, что я в настоящее время Гафиз,
то есть читаю и перевожу эту прелестную
розу Ирана.*

Из письма А. А. Фета А. В. Дружинину

Предуведомление читателям

Поразительно, но, отправляясь в 2009 году впервые в Иран, я и представить себе не мог, что меня ждут ещё 5 поездок в эту страну, что я сильно увлекусь исследованием жизни Александра Грибоедова, написав о нём несколько книг, и что всё это подвигнет меня в итоге к погружению в нераскрытую и увлекательную тему влияния персидской темы на русскую поэзию. Пёстрый персидский мир, его история и культура широко открылся перед русским миром более двух веков назад, и оказалось, что, начиная с Грибоедова, Персия влекла к себе мощным магнитом многих русских поэтов, “болевших” страстью к путешествиям. Прав был великий Саади, утверждавший: “Выгоды путешествия велики: путешествуя, радуешь сердце, извлекаешь выгоды, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, расширяешь образование и познания, умножаешь богатство и состояние, знакомишься с людьми и испытываешь судьбу”.

В круг русских поэтов, так или иначе очарованных “волшебством персидского мира”, было вовлечено огромное количество мастеров рифмы: если провести серьёзные подсчёты, то получится, что в “персидский плен” разной силы попало не менее 100 поэтов России XVIII–XXI веков. С какими другими струнами русской поэзии может сравниться персидская струна? С итальянской струной, вызванной очарованием Рима, Венеции, Флоренции, Милана

и других мест Италии или следованием путями великих Данте, Петрарки и Боккаччо? С немецкой струной, навеянной творениями Гёте и Гейне или сумрачными приметами германских земель? С английской струной, рождённой картинами туманного Альбиона или попытками идти по следам Шекспира и Байрона? С французской струной, оживавшей от соприкосновения с Парижем, Тулузой, Лионом, Лазурным берегом или поэтами этой притягательной страны? А может, с кавказской, польской, японской, американской или какими-либо другими струнами? Не будем гадать и погружаться в подсчёты. Для точного ответа на этот вопрос потребовалось бы написать несколько полновесных книг. Выскажем лишь мнение, что персидская струна обязательно должна была бы попасть в первую тройку иностранных струн русской поэзии, а персидский магнит был одним из самых сильных и притягательных в истории отечественной лирики.

Такой вывод будет особенно явным, если учесть, что из более чем 100 русских поэтов, писавших на персидские темы, немногие сумели посетить эту удивительную страну. С другими странами – Италией, Германией, Англией, Францией – было совсем по-другому: их посещало значительно большее количество русских поэтов, которые часто жили там подолгу, в том числе в эмиграции, и не могли не воспевать их.

Начиная разработку этой темы, я и представить себе не мог, какое огромное воздействие оказала Персия, её история и культура на русскую поэзию и её выдающихся представителей. Причём это не зависело от того, удавалось ли самим поэтам воочию увидеть персидский мир. Вспомним, какие яркие стихи оставили о Востоке и Персии так и не побывавшие там В. Жуковский, А. Фет, Ф. Тютчев, И. Бунин, В. Брюсов, К. Бальмонт, М. Волошин, Н. Гумилёв и особенно С. Есенин! Лишь несколькими поэтам удалось когда-то прикоснуться к персидской земле, и, конечно, первым среди них навсегда останется “персидский странник” Александр Грибоедов, которому суждено было не только более трёх лет своей короткой жизни провести в Персии, но и погибнуть в её столице. Грибоедов стал тем незабываемым примером, который, как магнит, притягивал к Персии многих шедших по его “восточным стопам” поэтов – и Пушкина, и Лермонтова, и Есенина.

Глубокое погружение в выбранную тему принесло много открытий. Оказалось, что в этой стране побывали не только Александр Грибоедов (1819–1822, 1827–1829 годы) и Велимир Хлебников (1921 год), что довольно широко известно, но и такие писатели, как Василий Каменский (1906 год), Николай Клюев (предположительно в начале XX века, но это не подтверждено документами), Владимир Тардов (1909, 1920, 1921–1928 годы, работал дипломатом в Иране, специалист по фарси), Лев Василевский (до 1912 года, работал судовым врачом, написал цикл стихов “Персидские мотивы”), Юрий Терапиано (1913 год), Евгений Яшнов (1914 год), Сергей Городецкий (1916–1917, 1921 годы), Эдуард Багрицкий (1917–1918 годы), Виктор Шкловский (1917–1918 годы), Александр Чачиков (1918, 1921 годы), М. С. Альтман (1920 год), А. О. Моргулис (1921 год), Вячеслав Иванов (1921 год), Григорий Санников (1925, 1956 годы). В советское время и позднее в Иране побывали Алексей Сурков (1946), Вера Инбер (1946), Расул Гамзатов, Тимур Зульфикаров, Михаил Синельников, Сергей Маркус, Аида Соболева и... автор настоящей статьи.

До 1906 года, когда в Персии оказался Каменский, там побывал из отечественных поэтов только один Грибоедов. С 1906 по 1925 год Иран посетило не менее 15 поэтов. При этом важно отметить, что большинство из них увидели только северные районы Ирана и не посещали ни Тегерана, ни Исфахана, ни Шираза. Потом последовали довольно отрывочные посещения Ирана советскими поэтами, а ещё через некоторое время, уже после распада СССР, начались поездки в эту страну поэтов новой России...

Отдельных статей о влиянии Персии на творчество поэтов достойны А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Бунин, Н. Гумилёв, К. Бальмонт, С. Есенин, В. Хлебников. То же самое можно сказать и о Серебряном веке, и о советской поэзии: они достойны отдельного подробного освещения, которое можно сделать впоследствии. В настоящей же статье предлагается обратиться к рассмотрению “персидской струны” русской поэзии с самых её истоков и до начала Серебряного века, не затрагивая при этом упомянутых выше титанов отечественной поэзии.

От самых истоков

Когда же интерес к Персии впервые проявился в русской поэзии? Неужели только в Золотой век отечественного поэтического слова, в начале XIX века? Или намного раньше, когда соседство России с Персидской империей не могло не сказываться на глубоком и неподдельном интересе россиян к “персидскому миру”? Ответ может быть однозначным: начиная с “Хожения за три моря” тверского купца Афанасия Никитина, который на пути в Индию познакомился с Персией более 500 лет назад, постепенно персидская тематика становилась всё более “горячей” в общественном сознании России.

Известно, к примеру, что ещё в первой половине XVII века участником одного из посольств царя Михаила Фёдоровича в Персию стал стряпчий и поэт **Алексей Саввич Романчуков**, который в своих дорожных стихах не мог не записывать свои впечатления, хотя они и носили поверхностный характер. В 1636 году Романчуков был назначен сопроводжать Голштинское посольство в Персию и одновременно царским посланником или “малым послом” к персидскому шаху. В сентябре этого года он прибыл в Астрахань, а вернулся туда из Персии в конце 1638 года. Русская миссия путешествовала вместе с голштинской, секретарь которой, Адам Олеарий, записал в дневнике, что Романчуков “был лет 30, с здравым умом и весьма ловкий, знал несколько латинских изречений, против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку”. Во время путешествия Романчуков, благодаря голштинцам, овладел латинским языком почти в совершенстве и так пристрастился к математике, что беспрестанно занимался изучением астролябии и делал математические вычисления.

Поэтическое наследие Романчукова совсем невелико. Поэт скончался вскоре после возвращения из Персии. Ходили слухи, что это было самоубийство и что якобы Романчуков отравился, узнав о неудовольствии на него царя за действия его в Персии или излишнее увлечение науками.

Особенно персидская тематика начала выходить на первый план в эпоху Петра Великого, когда не только появилась пресса и стало активно развиваться книгоиздание, но и противостояние двух империй – Российской и Персидской – дошло до прямой военной борьбы во время Персидского похода Петра I в 1722 году. В этом походе принял участие офицер **Павел Степанович Львов**, который на берегу Каспия, южное побережье которого тогда впервые перешло к России, сочинил знаменитую поныне песню, которую можно считать одним из первых творений с “персидским оттенком”:

*Уж как пал туман на сине море,
А злодейка-тоска в ретиво сердце;
Не сходить туману с синя моря,
Уж не выйти кручине из сердца вон.*

К счастью, раненый автор этого шедевра не погиб, а вернулся домой, обзавёлся семьёй и долго вспоминал свои персидские приключения. В ту пору русская поэзия делала только самые первые свои шаги, расцвет был ещё впереди, но уже тогда стали проявляться её лучшие качества. “Дайте русскому мальчику карту звёздного неба, и на следующий день он вернёт вам её исправленной”, – эти иронические слова из романа Достоевского “Братья Карамазовы”, казалось бы, не относятся напрямую к поэзии, но они прекрасно демонстрируют ту важную черту русского национального характера, которая проявлялась и не единожды во многих областях человеческой деятельности: от подвигов первопроходцев и географических открытий до научных исследований и прорывов в сфере искусства. Выходить за пределы доступного, искать неведомое, постигать скрытое от взглядов – эти качества проявляли и многие русские поэты, особенно в эпохи “времен Очаковских и покоренья Крыма”, первых русских кругосветных путешествий, Отечественной войны 1812 года и последующих постоянных войн за укрепление российской державы. Поэты всегда старались не отрываться от происходившего в стране, и, конечно, всё это проявлялось и во время их странствий и путешествий по России и миру.

Однако в XVIII веке “поэтическое познание” мира находилось в России в зачаточном состоянии, и дело заключалось не только в постепенном формировании русского поэтического языка, накоплении им богатств, опыта и традиций, но и в том месте, которое поэзия занимала в общественной жизни. Она ещё не заняла то положение, которое подарил ей Золотой век русской поэзии, и оставалась в подчинённом, вторичном положении в культурном и общественном пространстве. Занятия поэзией были не совсем профессиональными, в том смысле, что они, как правило, лишь дополняли основную деятельность поэтов, в большинстве своём служивших на государственных постах разного рода. И получалось, что поэзия оказывалась часто продолжением этой службы, и в ней во весь голос звучали именно гражданские мотивы.

До 80–90-х годов XVIII века в русской поэзии почти безраздельно господствовал классицизм, которому были свойственны идеи рационализма, превосходства разума, обращение к высоким общественно-воспитательным функциям искусства, к возвышенной истории с игнорированием всего случайного, индивидуального и мелкого. Эта направленность подкреплялась следованием строгим канонам и определённым жанрам поэзии, имевшим конкретные признаки и чёткую иерархию. К высоким жанрам относились ода, трагедия, эпopeя, а к низким – комедия, сатира, басня. В ту пору почти отсутствовал жанр небольших по объёму лирических стихотворений, посвящённых переживаниям и впечатлениям поэтов. А отсюда вытекало, что, перебрав всё, написанное поэтами XVIII века, мы найдём очень мало стихотворений, посвящённых конкретно “персидским мотивам”. Географическая тематика неизбежно растворялась тогда в исторических одах, пафосных эпopeях или более лёгких комедиях и баснях. Тем более что география путешествий русских поэтов XVIII века не шла ни в какое сравнение с такой географией Золотого века, а тем более века XX: заграничные путешествия были тогда большой редкостью, и, конечно, в Персию никто из поэтов просто так не попадал.

Однако одно имя здесь следует всё-таки упомянуть. Одним из первых произведений на персидскую тему в русской поэзии является трагедия поэта и драматурга, актёра и режиссёра **Петра Алексеевича Плавильщикова** (1760–1820) “Тахмас Кулыхан”, под именем которого автор изобразил захватившего персидский престол жестокого завоевателя Надир-шаха, разграбившего Дели, столицу Великих Моголов. В пьесе тиран домогается любви пленённой жены Великого Могола Зальмиры, но терпит поражение. Его обличает воин Арбелам, думающий о благе Персии:

*Ты троны мог себе со славой покорить,
Почто ж отечество ты медлишь защитить?
Ты в лаврах в Индии, но персов ток кровавый
Мрачит гремящая твоей блистанье славы.*

Но Тахмас непреклонен в своей страсти к завоеваниям и тиранству, что даёт автору повод изобличить такое поведение монархов в “просвещённый век”:

*Пойду во все места искать себе побед,
Чтоб сердца моего отмстить ужасну жертву,
Или в отчаянье пред ним мне пасти мертву
Свирепья войны в пылающем огне.*

Г. Р. Державин – провозвестник взлёта русской поэзии

Именно в ключе интереса к истории Персии следует оценивать обращение к “персидской теме” **Гавриила Романовича Державина** (1743–1816), знаменитого поэта-государственника, одного из немногих русских мастеров рифмы, который сочетал в себе поэтическое творчество и служение на высоких государственных постах губернатора (Олонецкого и Тамбовского наместничеств) и министра юстиции. Державин постоянно интересовался восточными сюжетами, не раз вспоминал в своих стихах Аллаха и Пророка (“Прошу великого Пророка, // Да праха ног твоих коснусь...”), Зороастра (Заратустру) (Екатерина Великая, согласно поэту, давала подданным законы, опершись

“на Зороастров истукан”) и питал особую страсть к индийской поэзии. Он даже обратился в 1810 году к индологу Г. С. Лебедеву с просьбой познакомить его с принципами стихосложения индийских поэтов.

А в 1797 году в оде “На возвращение графа Зубова из Персии” Державин вспомнил о знаменитом “персидском походе” в эпоху Екатерины Великой.

Сравнивая Зубова с покорителем Персии Александром Македонским (“По духу войск, тобой веденных, // По младости твоей, красе, // По быстром персов покоренье // В тебе я Александра чтил!”), Державин описал то, что тому пришлось увидеть и пережить:

*О юный вождь! сверша походы,
Прошёл ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с рёбр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чёл их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.*

*Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в тёмный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.*

Да, мы можем наблюдать, что здесь стиль ещё не совсем “золотого века” русской поэзии, но как бьётся мысль поэта! Напомним, что это именно Державин сказал то, что перефразировал позже в “Горе от ума” А. С. Грибоедов: “Мила нам добра весть о нашей стороне: // Отечества и дым нам сладок и приятен”. В этих словах поэт, по сути, выразил главную идею всяческих путешествий: именно они позволяют почувствовать тоску по Родине, и даже знакомый с детства “дым Отечества” — “дым трагедий, неустроенности и былых пожарищ” нам становится “и сладок, и приятен”. Державин выступает здесь поэтом-пророком, которые в России были всегда, и он не случайно стал зримым мостиком к “золотому веку” русской поэзии, передав свою эстафету юному А. С. Пушкину, и где? — именно в Лицее, в Царском Селе, которое Гавриил Романович любил и воспевал в своих стихах.

Интерес к Востоку и рождение Золотого века

Отметим здесь особо, что именно в конце XVIII века интерес к Востоку в России резко возрос. В стране в тот период и чуть позднее стали появляться многочисленные переводы произведений восточной тематики: сказки “Тысячи и одной ночи”, стихотворения Саади, Хафиза, Фирдуси, “Персидские письма” Монтескье, “Задиг” Вольтера, “Волшебные сказки” А. Гамильтона, “Персия, или Картина управления, религии и литературы этой страны” А. Журдена. А в петербургских театрах тогда были очень популярны оперы и балеты на восточные темы.

Ещё более явный поворот внимания к Персии, к иранской истории и культуре произошёл в России в начале XIX века и в связи с географическим соседством с восточными странами, и в связи с частыми войнами с народами мусульманского мира. В 1804 году в российских университетах было введено преподавание восточных языков — арабского и персидского, а в 1818 году в Петербурге был организован Азиатский музей, где хранились восточные рукописи.

Все эти перемены совпали с постепенным появлением на свет такого уникального культурного явления, как Золотой век русской поэзии. Рождение и развитие Золотого века совпало с победой романтизма, который пришёл на смену классицизму и сентиментализму со следующими своими чертами: внимание к душевному миру человека, его чувствам, изображение ярких, зачастую сильных, страстей и характеров людей, показ страданий и эмоций героев; культ природы.

Именно с 1820-х годов XIX века в поэзии утверждается традиция конкретного и реалистичного описания поэтами тех или иных мест, увиденных собственными глазами, без пафосных преувеличений и избыточных восторгов, столь свойственных более ранней поэзии. Достаточно обратиться к “Евгению Онегину” и узнать, что “Москва Онегина встречает // Своей спесивой суетой, // Своими девами прельщает, // Стерляжьей потчует ухой”, что в Нижний Новгород “жемчуг привёз индеец, // Поддельны вины европеец, // Табун бракованных коней // Пригнал заводчик из степей”, что в Астрахани героя поэмы “Как жар полуденных лучей // И комаров нахальных тучи, // Пища, жужжа со всех <сторон>, // Его встречают”, и что в Пятигорске поражает “. . . Зеленеющий Машук, // Машук, податель струй целебных; // Вокруг ручьёв его волшебных // Больных теснится бледный рой. . .” Реальные приметы жизни и самых разных просторов с этой поры уже навсегда обретут свою прописку в русском поэтическом слове.

Золотой век русской поэзии интересен тем, что именно в эти годы русские поэты начали активно путешествовать за границу, открывая одну страну за другой.

Под влиянием Персии: 20 поэтических имён

“Персидский магнит” притягивал к себе не только русских поэтов “самой высшей пробы” от Грибоедова и Пушкина до Хлебникова и Есенина. Его притяжение включало в свою орбиту, по крайней мере, с начала XIX века по 20-е годы XX века почти весь поэтический мир России. За 100 с лишним лет, которые вобрали в себя и Золотой, и Серебряный век русской поэзии, трудно найти даже нескольких поэтов, которые хотя бы косвенно, хотя бы мельком не коснулись “иранской темы”, будь то подражание персидским лирикам, переводы их творений или просто восточные напевы. Попробуем бегло пробежаться по летописным вехам русской поэзии.

В 1805 году к теме персидской истории обратился недооценённый современниками поэт **Семён Сергеевич Бобров** (1763–1810), который долго жил на юге России, был некоторое время в центре общественного внимания (его произведения знали Грибоедов, Пушкин, Вяземский). В поэме “Херсонида, или Картина лучшего летнего дня в Херсоне Таврическом” он писал о Персии,

*Где царствовали Шах-Аббасы
В объятиях спокойных мира,
Где Кулыханы разъярённы
В себе открыли тех бичей,
Каких Бог сил послал на землю
Карать трепещущи народы?..*

В 1806 году рано ушедший из жизни, забытый сегодня поэт **Фёдор Иванович Ленкевич** (1780–е?–1810), принадлежавший к радищевскому кругу поэтов, обратился одним из первых к учению Зороастра (Заратуштры), в котором его заинтриговало противоборство добра и зла и предрасположенность к победе первого. В стихотворении “Два Зороастрова гения” он отразил это таким образом:

*Ты истину изрёк, о мудрый Зороастр!
Вселенна двух духов во власти:
Один дух злобы и коварств,
Влекущий за собой напасти...
Другой есть ангел-покровитель,
Народов и царей хранитель...*

*Но правда держит царствий вес —
И зло добра не побеждает...
Благого благость воссияет,
Как Феб на высоте небес;
А злобы дух в своём стремленьи,
Крутясь, крутясь, исчезнет вмиг...
Рекут народы в изумленьи:
“И всё губил... и сам погиб...”*

Иранская мифология привлекала и несчастного, сосланного на Кавказ, разжалованного в солдаты и фактически замученного позднее телесными наказаниями **Александра Ивановича Полежаева** (1804–1837). В своём стихотворении “Демон вдохновения” (1832) он обратился к образу Аримана (Ахримана), бога тьмы — олицетворению всего злого в маздаизме, противника Ормузда (Ахура Мазды). Подданные этого “властителя духов” преклоняются перед его силой и жестокостью:

*О Ариман! О грозный царь
Теней, забытых Оризмадом!
К тебе взывает целым адом
Твоя трепещущая тварь!..
Мы не страшимся тяжкой муки:
Давно, давно привыкли к ней
В часы твоей угрюмой скуки,
Под звуком тягостных цепей...*

Ариман является перед всеми в “громе, и в блеске”, в “тройной короне из чёрных змей”, твёрдо утверждает при этом “власть своей руки” и вдруг исчезает “на троне среди теней”... И это вызывает у поэта, потерявшего “демона вдохновения”, тоску и одиночество (не подействовал ли он этим образом на М. Ю. Лермонтова, создававшего в то же время своего Демона?):

*Всё тихо!.. Страшные виденья,
Как вихрь, умчались по стене,
И я, как будто в тяжком сне,
Опять с своей тоской сижу наедине...
Зачем ты улетел, о демон вдохновенья!*

Другой почти забытый сегодня поэт “пушкинской поры”, дебют которого приветствовал и Пушкин, и Баратынский, **Андрей Иванович Подолинский** (1806–1886) также обратился к иранской мифологии, когда в довольно объёмной поэме “Див и Пери” (1827) показал противостояние и одновременно сосуществование в персидских пределах Дивов — падших ангелов, превратившихся в злых демонов, — и Пери — тоже падших ангелов, но стоящих на страже добра. В этой поэме, насыщенной приметами иранской жизни, колорит Востока ощущается так, будто автору удалось всё-таки посетить Персию:

*Из пределов Сегестана
К дальним рощам Хорасана
Пери лёгкая неслась.
Тень ложилась на равнины...
И безмолвны те долины,
Где когда-то кровь лилась...
Тот предел перелетая,
Видит Пери: чуть мелькая,
Между камней цвет ночной
Блещет радужной росой;
И склонясь под сенью древа,
Как задумчивая дева,
Дремлет в неге, — и сквозь сон
Ароматом дышит он.*

*И к нему, благоуханьем
С высоты привлечена,
Мчится Пери, и дыханье
Пьёт душистое она.*

В завершение поэмы автор переходит к обобщению о том, что и ныне Дивы и Пери летают над землей, творя свои деяния:

*Дни бегут, лета мелькают
Неизменной чередой:
Каждый год рука с рукой
Див и Пери посещают
Край за краем. Над землёй
Льются их благодеянья —
Их достойные деянья
Человек благословляя;
И об них воспоминанье
Он потомству завещал.*

Подолинский и позднее продолжал обращаться к персидским мотивам, написав стихотворение “Фирдуси” (1828) и ещё одну мифологическую поэму “Смерть Пери”, которая так же, как и первая его поэма на восточные темы, была написана в манере модного в то время Томаса Мура.

Персидская лирика, попадая на русскую почву, своей пестротой, яркостью и необычностью будила у поэтов новые образы и сюжеты. Так, **Дмитрий Петрович Ознобишин** (1804–1877), талантливый поэт, путешественник и общественный деятель, кстати, рвавшийся попасть в состав грибоедовского посольства в Персию, но не добившийся своего, а потому проживший долгую жизнь, придумал даже для себя особый псевдоним Делюберадер, что по-персидски означало “Сердце брата” (не Грибоедова ли?). Ознобишин знал несколько языков, среди которых был арабский и фарси, составил первый персидско-русский словарь, переводил восточных поэтов, в том числе Низами Гянджеви, и много писал на иранские темы, не забывая и любовные ноты. В превосходном по своей красоте стихотворении “Рождение перла” (1828) он описал историю любви “степного духа” к прекрасной девице:

*Степей полнощных дух могучий
Младую деву полюбил,
Для ней он радостные кущи
Ирана светлого забыл.*

*Чертог из пышного коралла
За поцелуй дарил он ей;
Но дева гордо отвечала:
“Как беден дар твой, дух степей!”*

Долго-долго “степной дух” подносил красавице разные дары, но всё было тщетно, до тех пор, когда он “на поверхность океана // слезу блестящую сронил”, и “та слеза вдруг перлом стала, // каких не зрели средь зыбей!” Красавица сдалась, дух “стал счастливым”. А Ознобишин пафосно закончил своё творение:

*Прекрасны утренние розы,
Когда на них заря горит;
Но вы, любви живые слёзы, —
Ваш блеск ничто не затемнит!*

*Как перл, на дне зыбей сокрытый,
Вы льётесь сладостно в тиши, —
Как в перле блеск и нежность слиты,
Так в вас — все радости души!*

Дмитрий Ознобишин не случайно примерно в эти же годы обратился к переводам персидских лириков Саади и Хафиза, одним из первых в русской поэзии воспроизведя газели — особый вид иранской поэзии. И ему удалось это сделать талантливо и оригинально:

*Без красавицы молодой,
Без кипящего стакана,
Прелесть розы огневой,
Блеск серебристого фонтана —
Не отрадны для души!*

*Без напева соловья
Скучны роз душистых ветки;
Шёпот сладостный ручья
И яминные беседки —
Не отрадны для души!*

(1826)

А вот так Ознобишин перевёл одну из од Хафиза:

*Блестящую чашу наполни вином,
Пусть светлое в чаше играет!
Рви розы, бросай их на землю кругом,
Лишь глупый заране вздыхает.
Так в утренней песни звучал соловей:
— Что, розочка, скажешь о песни моей?*

(1829)

Следует особо подчеркнуть, что, начиная с конца 1820-х годов и позднее, переводами персидских лириков занимались и многие другие поэты. Достаточно назвать имена и произведения **Алексея Степановича Хомякова** (“Из Саади”), **Михаила Ларионовича Михайлова** (“Из Саади”, “Из Руми”), **Леонида Николаевича Трефолева** (“Песня дервиша”, “Из “Гюлистана”), **Дмитрия Николаевича Цертелёва** (“Из Зенд-Авесты”, “Отречение Кира”).

А известный участник Отечественной войны 1812 года, автор “Писем русского офицера”, долгожитель-поэт **Фёдор Николаевич Глинка** (1786–1880) обратился со своим вольным переложением к “Гюлистану” несравненного Саади, чтобы прославить в стихотворении “нетленные глаза” благодетельного восточного царя.

В это время после “Подражаний Корану” Пушкина священная книга мусульман стала по-настоящему “модной” книгой, а “восточный стиль” превратился в одну из ведущих примет романтизма. Позднее Фёдор Достоевский в своей знаменитой речи на пушкинском юбилее скажет об удивительном проникновении поэта в самую суть ислама: “Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная сила её?” Мусульманские герои и праведники заполнили тогда стихи поэтов-современников Пушкина, которые оставались христианами, но их вдохновляло мужество и преданность вере представителей исламского мира.

Упомянем лишь несколько имён и произведений: **Александр Вяземский** — “Мухамед”, **Андрей Николаевич Муравьёв** (1806–1874) — “Песнь дервиша” и “Бахчисарай”, **Владимир Григорьевич Бенедиктов** (1807–1873) — “Калиф и раб”, “Подражание персидскому”...

Приятель Пушкина, служивший на Кавказе и создавший в Тифлисе цикл стихотворений “Восточная лютня”, **Александр Ардалионович Шишков** (1799–1832), племянник известного адмирала и министра народного просвещения А. С. Шишкова, уловил в грузинской жизни приметы долгого персидского владычества и также, как ровно через 100 лет С. А. Есенин, как будто бы перенёсся с помощью своей фантазии в Персию (таким сильным был уже тогда магнит восточной, незнакомой страны):

*Я дев прелестных видел там:
И бег был лёгкий бег джейрана;*

*Спускалась дымка по грудям
С лица до стройного их стана. —
Оне пышней гиланских роз,
Приятней сладкого шербета!
Не так любезен в полдень лета
Для нимф прохладный ток Гаета
И страстных гурий нежный взор,
Всегда приветный, вечно юный
Небесных Пери звучный хор,
И Сади ропщущие струны.*

Некоторое время в Тифлисе жил и замечательный поэт **Яков Петрович Полонский** (1819–1898), который так же, как и Шишков, наблюдал в грузинской столице “персидские реалии”. Так, стихотворение “Сатар” (1851) он посвятил известному в Тифлисе иранскому певцу, поразившему его своим “диким” пением:

*Сатар! Сатар! твой плач гортанный —
Рыдающий, глухой, молящий, дикий крик —
Под звуки чяанур и трели барабанной
Мне сердце растерзал и в душу мне проник...*

*Не знаю, что поёшь, — быть может, песнь Кярама,
Того певца любви, кого сожгла любовь;
Быть может, к мести ты взываешь — кровь за кровь, —
Быть может, славишь ты кровавый меч Ислама —
Те дни, когда пред ним дрожали тьмы рабов...
Не знаю, — слышу вопль — и мне не нужно слов!*

Полонский вообще часто обращал свой взор к Востоку, он написал драматическую поэму “Магомет”, цикл стихов на исламские мотивы, а также поэму “Н. А. Грибоедова” — о любви Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова, воспев историю драматических судеб двух влюблённых, навечно связавших своим примером два народа — русский и грузинский.

Андрей Николаевич Муравьёв (1806–1874) — русский литератор, путешественник и религиозный деятель — был хорошим знакомым А. С. Грибоедова. Они повстречались в Крыму в 1825 году и несколько раз подолгу общались. Позже Муравьёв утверждал: “Многим обязан я Грибоедову...”. И, вероятно всего, именно тот повлиял на будущие паломнические путешествия Муравьёва именно по направлению на Восток, где поэт вдохновлялся вот такими строками:

*Аллах даёт нам ночь и день,
Чтоб прославлять его делами;
Светило дня — Его лишь тень —
Виновных обличит лучами.
Аллах керим! Аллах керим!*

Член “Общества любомудрия”, оригинальный поэт, которого ждала слишком краткая жизнь, **Дмитрий Владимирович Веневитинов** (1805–1827) собирался, подобно А. С. Грибоедову, отправиться посланцем в Персию и там “на свободе петь с восточными соловьями”. Тем более что он, как и Грибоедов, служил некоторое время в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875) в своих “Крымских очерках”, устав от тягот и забот, поминал Аллаха:

*Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Четырдаха
Благополучно на ночлег.*

Особо следует упомянуть о **Платоне Григорьевиче Ободовском** (1803–1861) — писателе, педагоге, драматурге и путешественнике, почти

совсем забытом в наше время. Однако он ещё в 1825 году, задолго до многих других поэтов, затронул “восточную тему” в своём “Персидском романсе”:

*Приди под шёлковый намет,
Усни на мехе неизмятом!
Здесь скорпионов вредных нет,
Здесь розы дышат ароматом
И в чаше искрится шербет;
Взойди на светлый холм со мною,
Окинь глазами пышный сад!
В нём роскошь с милой простотою
Твой прояснят суровый взгляд.
Коль скучно средь зеркал гарема!
Возляг при зеркале ручья!
Послушай песни соловья:
Он Сади сладостный эдема.
Его живителен напев,
И звуков томных переливы
Отрадней для души тоскливой,
Чем песнь пленительная дев...*

В “Отрывках” из персидской повести “Орсан и Лейла”, в которых чувствовалось влияние В. А. Жуковского, поэт вспомнил и об Исфахане, и о дворце персидского шаха, и о “райских вратах”:

*Преданье было в Испагане,
Что души праведных царей
И всех, умерших в царском сани,
В час обновления луны
Исходят из гробницы мирной
В врата с восточных страны,
Одеты ризою эфирной;
С луной по небесам плывут
В предел безоблачного края;
И Персы те врата зовут
Вратами радостного рая.*

Ободовский, как и многие другие поэты до него, и многие после, уносился в своём воображении в персидские дали, в Шираз, к гробнице поэта Хафиза (стихотворение с показательным названием “Персидский вечер”):

*Знойный день не пламенеет
На прозрачных небесах;
Погляди, — лазурь темнеет,
Звёзды искрятся в водах...
И в гостиницах Шираза
Сонных персов не живет
Звук чудесного рассказа
И кальян не веселит.
Все уснули за шербетом
На узорчатых коврах;
Вот взошёл над минаретом
Месяц в серебряных лучах.*

Поэт **Лукьян Андреевич Якубович** (1805–1839) — один из ярких представителей ориенталистской струи в русской поэзии, написавший много стихов о Кавказе, так же, как и Ободовский или Полонский, обращался к Корану и “улетал” в своих мечтах в Персию, ведь ему не посчастливилось много путешествовать. Ему принадлежит настоящий гимн стране великой истории и поэзии под названием “Иран”:

*Ликуй, Иран! Твоя краса
Как отблеск радуги огнистый!*

*Земля цветёт — и небеса,
Как взоры гурий, вечно чисты!*

*Так возлюбил тебя Аллах,
Иран, жемчужина Востока,
И око мира, падишах,
Сей Лев Ислама, меч Пророка!*

*Твой воздух амброй растворён,
Им дышит лавр и мирт с алоем;
Здесь в розу соловей влюблён,
Поэт любви томится зноем.*

А в своём “Подражании Саади” (1836) Якубович вот так пересказывает одну из притч знаменитого персидского лирика:

*Молвил я однажды другу:
— Сделай мне одну услугу,
Приложи к устам печать,
Научи меня молчать.
И добро, и зло бывает
В разговорах наших сплошь,
Враг всё злое замечает,
От злоречья как уйдёшь?
“Друг! — заметил мне приятель. —
Терпит злых и Сам Создатель,
Любишь мёд — люби и сот;
Из врагов же лучший тот,
Кто добра не примечает,
Видя в нас один порок:
Через него-то получает
Человек прямой урок!”*

Василий Жуковский и Персия

В том же ряду поклонников Востока следует назвать и **Василия Андреевича Жуковского** (1783–1852) — “первого романтика” в русской поэзии, чья звезда блистала ещё в допушкинский период. Именно ему Пушкин посвятил свои пламенные строки:

*Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.*

Жуковский был первым, кто явил читателю русский язык в его истинной певучести, звучности и музыке стиха. Но при этом, будучи образованнейшим человеком, обладавшим несравненным даром переводчика, поэт сделал доступными для русских читателей многие лучшие образцы мировой литературы, будь то немецкая и английская поэзия или перевод “Одиссеи” Гомера (недаром Пушкин называл поэта “гением перевода”). В этом же ряду стоят и восточные поэмы Жуковского, такие как индийская поэма “Наль и Дамаянти” и стихотворная повесть “Пери и ангел”, которая была написана поэтом в 1821 году и представляла собой перевод второй части “Рай и Пери” из поэмы Т. Мура “Лалла Рук”.

В поэме Мура, стилизованной под восточную поэзию, рассказывалось о путешествии индийской принцессы Лаллы Рук из Дели в Кашмир к её жениху, бухарскому принцу Алирису. В пути Алирис, испытывая невесту, сопровождает её под видом певца Фераморза и рассказывает ей различные поучительные истории. Одним из таких рассказов и является “Рай и Пери”. Как

объяснил Жуковский, “Пери – воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходнее людей”, которые “не живут на небе, но в цветах радуги... и подвержены общей участи смертных”. В своей повести он воспроизвёл многие пёстрые приметы восточной жизни, вспоминая и Персию. “Я знаю тайны Хильминара...” – так писал он о развалинах Персеполя – древней столицы этой страны. Краткая цитата из начала повести может показать, как под пером поэта рождалась “восточная стилизация” на русской почве:

*Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи.
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.*

В период работы над поэмой Жуковский создал ещё стихи “Лалла Рук” (здесь он раньше Пушкина выразился так: “Гений чистой красоты...”) и “Явление поэзии в виде Лалла Рук”.

В последнем он признался в своём влечении к Востоку:

*К востоку я стремлюсь душою!
Прелестная впервые там
Явилась в блеске над землёю
Обрадованным небесам.*

*Как утро юного творенья,
Она пленительна пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла.*

А в 1846–1847 годах поэт написал, как он сам это обозначил, “Персидскую повесть, заимствованную из царственной книги Ирана (Шах-наме)” под названием “Рустем и Зораб” с подзаголовком в оглавлении “Вольное подражание Рюккерту”. Эта поэма представляла собой переложение перевода немецким поэтом Фридрихом Рюккертом (1838) одного из эпизодов поэмы “Шах-наме” (или “Шахнаме”) великого персидского поэта Фирдоуси. “Шах-наме” или “Книга царей” – это грандиозная эпопея иранской истории, основанная на народных преданиях и письменных источниках. В ней рассказывается о сменявших друг друга династиях, о царях и богатырях, о различных иранских народах. В качестве главной в поэме проходит тема борьбы иранцев против туранцев, воинственных племён, живших на северо-востоке от Ирана, что олицетворяло свойственное учению зороастризма понимание извечной борьбы двух начал – добра и зла, света и тьмы, Ормузда и Ахримана.

Из всех богатырей самым могучим и любимым для Фирдоуси и народов Ирана являлся Ростем (у Жуковского – Рустем). Его подвиги составляют содержание многих эпизодов поэмы, в том числе эпизода о Ростеме и его сыне Сохрабе (у Жуковского – Зораб). В итоге благодаря смелому Ростему Иран побеждает в борьбе с Тураном, Ахриману так и не удаётся победить богатыря.

Жуковский во многих местах своей повести значительно отходит и от оригинала Фирдоуси, и от поэмы Рюккерта. Всю поэму он разделил на десять, а не на двенадцать книг, как Рюккерт, дал этим книгам свои названия, а в заключительной книге поэмы написал два собственных эпизода, которых нет ни в “Шах-наме”, ни у Рюккерта, причём оба эти эпизода можно смело отнести к лучшим творениям зрелого поэта.

*Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.
Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся... —*

так начинает свою поэму Жуковский, и проследовать за ним в мир иранской истории сегодня может каждый желающий. Персия же ещё не раз упоминалась в творениях поэта.

Немаловажно, что любовь Жуковского к истории Востока сочеталась у него с тягой в этот мир в качестве путешественника. Ещё в 1809 году в песне с названием “Путешественник” он мечтал о таком пути:

*Дней моих ещё весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство, и друзья.*

*В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой
Я пошёл путём-дорогой —
Вера был вожатый мой.*

*И в надежде, в уверенье
Путь казался недалёк.
“Странник — слышалось — терпенье!
Прямо, прямо на восток”.*

В 1815 году в стихотворении “Песня” звучал тот же страннический мотив:

*К востоку, всё к востоку
Стремлению земли —
К востоку всё, к востоку
Летит моя душа;
Далёко на востоке,
За синевою лесов,
За синими горами
Прекрасная живёт.*

“Восток, восток”, “синие горы”, “прекрасная живёт...” — эти стихи писались больше чем за сто лет до “Персидских мотивов” С. Есенина! Как всё-таки в поэзии важны сквозные темы, вдохновлявшие многие поколения поэтов, особенно если они рождались на основе их личного опыта и собственных странствий.

Вильгельм Кюхельбекер и наследие Вазир-Мухтара

Восточная тема так или иначе звучала в первой половине XIX века в творениях многих поэтов-декабристов. **Вильгельм Карлович Кюхельбекер** (1797–1846), понимая важность освоения опыта чужих культур, писал в своей статье “О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие”: “При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбию наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джами ждут русских читателей”. Кюхельбекер был очень близок с Грибоедовым, с которым он познакомился ещё в 1817 году, и часто беседовал с ним в Тифлисе в 1822 году о персидской поэзии. Там Грибоедов читал своему товарищу ещё не законченные сцены из “Горя от ума”.

Судьба преподнесла Кюхельбекеру самые суровые испытания: и каторжные работы, и крепостное заключение, и жизнь на поселении; его поддерживало только творчество, в котором то и дело блистали восточные мотивы. Ему

вообще была свойственна, по словам Е. А. Баратынского, “восторженная любовь к правде, к добру, к прекрасному, которой он всё готов принести в жертву. . .” И таким романтиком Кюхельбекер остался до конца своих дней.

Ему выпало в 1820–1821 годах путешествовать, и он, отправляясь на Кавказ, мечтал и о персидском мире, рассказы о котором Грибоедова не могли не завораживать впечатлительного поэта. В своём стихотворении “К Пушкину” весной 1822 года он писал о своих странствиях:

*На Рейнских пышных берегах,
В Лютеции, в столице мира,
В Гесперских радостных садах,
На смежных небесам горах,
О коих сладостная лира
Поёт в золотых твоих стихах,
Близ древних рубежей Персиды,
Средь томных северных степей
Я был добычей Немезиды,
Я был игралищем страстей!*

Рубежи Персиды влекли Кюхельбекера, прежде всего, под влиянием Грибоедова, стихи которому он начал посвящать ещё в Тифлисе в 1821 году, когда восторгался талантами автора “Горя от ума”, правда, с привкусом трагического предчувствия собственной гибели раньше своего друга (и как поэт в этом ошибся!):

*Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!
Певец, тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства
И резво-скачущая кровь!*

*О! если я сойду к брегам туманной Леты
Как неизвестная, немая тень, —
Пусть образ мой, душой твоей согретый,
Ещё раз узрит день! —
Я излечу на зов твой из могилы,
Развью раскованные крылы,
К золотому солнцу воспарю —
И жадно погружусь в бессмертную зарю!..*

Кюхельбекер посвятил своему другу также неоконченную поэму “Уже взыграл Зефир прохладный. . .”, датированную 1822–1823 годами. В ней он, в частности, упоминал героинь поэм Джамии “Юзуф и Зулейка” и Низами Гянджеви “Хозроф и Ширин” — Зулейка, Мириамь и Ширинь. А в 1823 году в стихотворении “А. С. Грибоедову при отсылке к нему в Тифлис моих “Аргивян” (имеется в виду трагедия поэта “Аргивяне”) Кюхельбекер опять рвётся к своему другу, куда-то в персидские дали. Он обращается с призывом к собственной душе:

*В одежде лёгкого тумана
Предстань певцу в прозрачной тьме,
На тихом злачном том холме,
Где, может быть, он запах Гулистана
Вбирает жадною душой,
Где старец вечной молодой,
Где Музы Фаристана
Парят над вещью главой!
Уже я зрю тебя, страна золотая!
Поэту я вручу камен ахейских дар:
Не он ли воспитал во мне их чистый жар?*

В 1831 году Кюхля, вспоминая своего друга Грибоедова, написал обширную (более 30 страниц книжного издания) поэму “Зоровавель”, пожалуй, самое

объёмное в русской поэзии “персидское произведение”. Оно посвящено Дарию I Великому, персидскому царю из династии Ахеменидов, правившему 36 лет в 522–486 годах до н. э. Как мудрый и справедливый правитель, лучший из восточных деспотов, Дарий, покоривший более 30 народов, пользовался уважением даже своих врагов. Дара – так называет в своей поэме Дария Кюхельбекер, и рассказ “О Даре, прежних дней светиле, // И юных трёх его рабах” он вкладывает в уста “беловласого старца”, искусного рассказчика, который – и это, несомненно, дань Грибоедову, прожившему в Тавризе более двух с половиной лет – начинает свой рассказ именно в Тавризе, покорившемся русскому оружию в 1828 году:

*Над войском русского царя
В стенах Тавриза покорённых
Бледнеет поздняя заря;
На минаретах позлащённых,
Дрожая, последний луч сверкнул;
Умолк вечерней пушки гул,
Умолк протяжный глас имана,
Зовущий верных чад Курана
Окончить знойный день мольбой.
Но в сизом дыме калиана,
Безмолвной окружён толпой,
Сидит рассказчик под стеной
Полуразрушенного хана
И говорит: “Да даст Алла
Устам моим благословенье!
Да будет речь моя светла
И стройно слов моих течение!..”*

Вот так сочно и колоритно, “по-персидски” звучала поэзия Кюхли, которому не суждено было, в отличие от Грибоедова и Хлебникова, увидеть персидские просторы. Но, кажется, что он каким-то чудесным образом всё-таки перенёсся далеко за Каспий, к скалам Накше-Рустам близ Персеполя, где находится усыпальница Дария и членов его семейства. Мне посчастливилось в 2009 году прикоснуться к этим скалам, и я не мог тогда не восхититься увиденным. А Кюхельбекеру все это открылось благодаря только силе воображения. Любому, кто решит сегодня отправиться в Иран, можно лишь посоветовать обратиться к поэме Кюхельбекера и насладиться приметам персидского мира:

*А серп чудесный, жнущий класы
Тех горних, тех немых полей,
В которых не бывал из века
Внимаем голос человека, —
Ладья надоблачных зыбей,
Орёл эфира среброкрылый,
Могущий вождь небесной силы,
Пастух бессмертный стад ночных —
Луна, царица звёзд золотых,
Блеснула сквозь покров тумана
И в сладостный блестящий свет
Одела тёмный минарет,
Наш стан, Тавриз, поля Ирана
И дальних снежных гор хребет;
И старец к ней, лампаде ночи,
Безмолвствуя, поджёмлет очи.
Но вот он вновь возвысил глас
И продолжает свой рассказ...*

Эпоха Дария Великого была взлётом персидской истории, и Кюхельбекер, как никто другой, ярко и эмоционально показал это в своём описании ушедшего времени, когда народы половины мира шли на поклон к могущественному царю, что удивительно зримо изображено на стенах Персеполя:

*И все без спору, без медленья
Свершают уст его веленья...
Их не страшат ни смерть, ни ад;
Бросают огонь в дрожащий град,
Свергают в прах богов святыни,
Стирают скалы и твердыни...
С стязанья тягостных трудов,
С благих даров щедроты неба,
С ловитвы, стад, вина и хлеба,
С начатков всех земных плодов
Царю приносят приношенья...*

В последние годы жизни, когда Кюхельбекер почти ослеп, он всё больше связывал свою горестную судьбу с судьбой Грибоедова, а также Пушкина (“Увы! Погиб доверенно певец // Его злодейский не щадил свинец”).

В 1845 году в итоговом для Кюхельбекера стихотворении “Участь русских поэтов”, перечисляя те напасти, от которых гибли русские поэты – “петля”, “тюрьма”, “ссылка”, “болезнь”, “пуля”, – он уже в последний раз вспоминал “персидского странника” Грибоедова:

*Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвёт,
Чей блещущий перунами полёт
Сияньем бы облил страну родную.*

До смерти Кюхли оставалось тогда чуть больше девяти месяцев, “болезнь” уже съедала его последние силы, но ему всё-таки суждено было на 17 с лишним лет пережить своего кумира, хотя он и предрекал свой уход в Лету раньше Грибоедова.

Фёдор Тютчев и Иран

Прожив более 20 лет в Европе, преимущественно в Мюнхене и Турине, **Фёдор Иванович Тютчев** (1803–1873), тем не менее, прекрасно знал восточную историю и лирику, и, по мнению некоторых филологов, выстрадавший им жанр небольших философских стихотворений, в которых как будто сжимается до “краткого фрагмента” целая ода, подобрал в себя всё лучшее, что завещали Саади, Гафиз или Хайям. Но, конечно, сделал всё это поэт на русской почве, которая, несмотря на кажущуюся отдалённость от неё Тютчева, всегда диктовала ему свои законы. Поэт, будучи по своим взглядам славянофилом, умудрялся делать и превосходные переводы немецкой лирики, и не забывать о восточных мотивах.

Очень звонко мусульманская тематика зазвучала ещё в стихотворении Тютчева “Олегов щит”:

*“Аллах! Пролей на нас свой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк Твой — Магомет!*

*О наша крепость и оплот!
Великий Бог! Веди нас ныне,
Как некогда ты вёл в пустыне
Свой избранный народ!..”*

А в конце 20-х годов Тютчев, потрясённый, как и многие другие русские поэты “Западно-Восточным диваном” – творением великого И.-В. Гёте, воссоздающим историю и культуру Персии, – написал свою стилизацию про “воздух Востока”, предназначение истинной поэзии и песни Гафиза:

*Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —*

*На Восток укройся дальний,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..*

*То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгую:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.*

*Песни Гафица святыя
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звёзды будит
И шаги верблюдов нудит...*

В 1851 году Тютчев ещё раз обратился к Гёте, воссоздав, отталкиваясь от него, манящий мир Персии:

*Ты знаешь край, где мирт и лав растёт,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветёт лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.*

В этом “персидском мире” есть и “высь с стезей по крутизнам”, и “в ущельях гор отродье змей”, и “дом на каменных столпах”, и “зал и купол весь в лучах”. Поэту не дано было увидеть пёстрый Восток, но в его поэтических грёзах он всё равно появлялся...

Афанасий Фет: самый “персидский” поэт среди русских поэтов

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) вошёл в русскую литературу как один из самых ярких представителей “чистого искусства”, который не затрагивал в своих произведениях животрепещущих социальных вопросов, стремился уйти от повседневной действительности в “светлое царство мечты”, воспевал “вечные ценности” и “абсолютную красоту”, в первую очередь, любовь и природу. Его творчество отличалось изящностью и тонкостью поэтического настроения, его стихи часто были сплетены из намёков и красотей. Послушаем знаменитый образец такой поэзии и задумаемся, откуда она берёт свои истоки:

*Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,*

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,*

*В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..*

“Соловей”, “ручей”, “роза”, “слёзы” — что это, как не типичные образы восточной поэзии, которая начиналась когда-то именно в Персии, или, точнее

сказать, в Ширазе — городе Хафиза и Саади. А вот и ещё знакомые всем строки Фета:

*На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.*

Читаешь эти стихи и как будто снова попадаешь в Шираз и Исфахан. Помоему, в русской поэзии вообще нет более “восточного”, “персидского” поэта, чем Афанасий Фет.

И это доказывают не единичные его стихотворения, а целая их масса, их общий настрой и порыв, причём это касается произведений самых разных периодов в жизни поэта.

Вот, к примеру, диалог из стихотворения “Соловей и роза” (1847):

Она

*Ты поёшь, когда дремлю я,
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.*

*Но ни грусти, ни мученья
Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?*

Он

*Дева-роза, доброй ночи!
Звёзды в небесах.
Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;*

*Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!*

В том же 1847 году поэт написал ещё два стихотворения в цикле “Подражания восточному”, и, конечно, они о любви:

*Не дивись, что я черна,
Опалённая лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами...*

*Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален...*

*Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.*

Откуда же у человека, который очень мало путешествовал, долгое время жил в провинции и был офицером, такая страсть к Востоку и его поэзии? Именно из любви к персидской лирике, которая диктовала и общий настрой,

и столь любимый Фетом размер восьмистиший. Часть своих стихотворений поэт прямо так и называл “Из Саади” (1847), “Подражание восточным стихотворцам” (1865):

*Вселенной целой потеряв владенье,
Ты не крушишь о том, оно ничто.
Стяжав вселенной целой поклоненье,
Не радуйся ему — оно ничто.
Минутно наслаждение и мученье,
Пройди ты мимо мира — он ничто.*

О любви к персидской поэзии знали многие друзья и коллеги Фета по писательскому цеху. В сентябре 1859 года И. С. Тургенев по просьбе поэта привёз из-за границы собрание стихотворений Гафиза в переводе немецкого поэта и философа Георга Даумера. Фет сразу принялся за переводы. “Дело в том, — писал он Дружинину, — что я в настоящее время Гафиз, то есть читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана”. В итоге в созданный им цикл стихотворений “Из Гафиза” вошло 27 работ. Самое любопытное, что Фет, работая с немецкими переводами, сделанными Даумером, не знал, что эти переводы были всего лишь вольными подражаниями немецкого писателя или, скорее всего, даже его оригинальными произведениями. В то время русским поэтам вообще было свойственно переводить персидских лириков не с фарси, а с немецких и французских переводов, что не могло, конечно, не сказываться на полученных результатах. Тем не менее, несмотря на это обстоятельство, мы можем сегодня снова и снова наслаждаться “персидскими подражаниями” русского образца, сделанными Фетом.

В своём предисловии к циклу Фет, “представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моём переводе из стихотворных цветов персидского поэта”, писал: “Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческого давно достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неуязвимы, независимо от эпохи и почвы, их производившей. Напротив того: если они действительно живые цветы, экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей. Новым подтверждением тому, что Азия — страна чудес и вопиющих противоположностей, является судьба, или, лучше сказать, странное духовное развитие нашего поэта”.

Далее Фет кратко описал биографию Гафиза и закончил своё предисловие словами: “Переведённые мной песни относятся ко второй эпохе его деятельности, и я желал бы, чтобы читатель испытал хотя часть того наслаждения, которое выпало на долю моему труду”.

Первые строки стихотворений “персидского цикла” говорят у Фета сами за себя: “Ах, как сладко, сладко дышит...”, “В доброй вести, нежный друг, не откажи...”, “В царство розы и вина приди...”, “Ветер нежный, окрылённый...”, “Гиацинт своих кудрей...”, “Грозные тени ночей...”, “Сошло дыханье свыше...” И вновь главный пульс стихов определяет любовь:

*Ветер нежный, окрылённый,
Благовестник красоты,
Отнеси привет мой страстный
Той одной, что знаешь ты.*

*Расскажи ей, что со света
Унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет
Тех наград, что знаешь ты.*

Любовь эта была разлита везде, в природе и в небесах, в животном мире и в мире растений:

*О, если бы озером был я ночным,
А ты луною, по нём плывущей!*

*О, если б потоком я был луговым,
А ты былинкой, над ним растущей!
О, если бы розовым был я кустом,
А ты бы розой, на нём цветущей!
О, если бы сладостным был я зерном,
А ты бы птичкой, его клюющей!*

Фет, опережая Сергея Есенина на почти 65 лет, в той же манере “персидских мотивов” ещё и ещё раз писал о смысле жизни:

*Если вдруг, без видимых причин,
Затоскую, загрущу один,
Если плоть и кости у меня
Станут ныть и чахнуть без кручин,
Не давай мне горьких пить лекарств:
Не терплю я этих чертовщин.
Принеси ты чашу мне вина,
С нею лютню, флейту, тамбурин.
Если это не поможет мне,
Принеси мне сладких уст рубин.
Если ж я и тут не исцелюсь,
Говори, что умер Шемзеддин.*

Поэт постоянно вспоминал в своём “персидском цикле” и самого кудесника Гафиза:

*О помыслах Гафиза
Лишь он один да Бог на свете знает.
Ему он только сердце
Греховное и пылкое вверяет.*

К восточным стихам поэта можно смело отнести и 6 стихотворений, включённых Фетом в цикл “Из Рюккерта” и написанных примерно в 1865 году. Немецкий поэт Фридрих Рюккерт (1788–1866) стал известным в России благодаря его переводу части поэмы “Шах-наме” (“Шахнаме”) персидского лирика Фирдоуси и переложению его стихов Василием Жуковским. Процитируем одно из стихотворений Фета из этого цикла и ещё раз убедимся в несомненной “восточной окраске” его творчества:

*И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы;
Улыбнёшься ли сквозь слёзы,
Ранний цвет я вижу розы,
А пойдут твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки, и угрозы
Мне твои — всё образ розы.*

Большое значение для русской литературы имели также талантливые переводы Афанасием Фетом лучших образцов западной литературы. Он перевёл всего “Фауста” Гёте, а также произведения целого ряда латинских поэтов: Горация, Ювенала, Катулла, Овидия, Вергилия и многих других. Но всё равно лично для меня он навсегда останется русским певцом, но с “восточным колоритом”, вобравшим в себя и пение исфаханских соловьёв, и цветение ширазских роз... Послушаем напоследок, как изящно и чарующе звучит его “Восточный мотив” (1882), созданный уже на склоне жизни:

*С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.*

Аполлон Майков и его увлечение Востоком

Не обошёл персидской темы и **Аполлон Николаевич Майков** (1821–1897) с его стойким интересом к Востоку (“Молитва Бедуина”, “Вертоград”, “У Мраморного моря”, “Разрушение Иерусалима” и т. д.). Он, как и многие поэты, увлекался Гёте, а через его “Западно-восточный диван” обращал свои взоры к Персии. Так, в стихотворении “Миньон (Из Гёте)” Майкову уже воочию видятся её просторы:

*Ах, есть земля, где померанец зреет,
Лимон в садах желтеет каждый год;
Таким теплом с лазури тёмной веет,
Так скромно мирт, так гордо лавр растёт!
Где этот край? Туда, туда
Уйти бы нам, мой милый, навсегда!*

Поэт готов убежать в дивные края, и зовёт его туда снова бессмертный Гафиз. Как с восторгом писал Майков в своём стихотворении “Из Гафиза”:

*Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,
А не в сети к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам...*

А завершает стихотворение поэт с надеждой на “пылкую смерть”, обращаясь к самому себе, к своему сердцу:

*Но зато умрёшь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.*

Владимир Соловьёв и Хафиз

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) — русский поэт, публицист, философ и богослов, который стоял у истоков русского “духовного возрождения” начала XX века и оказал огромное влияние на поэтов Серебряного века, не мог обойти в своём творчестве “персидскую тему”. Он фактически раньше многих других понял её значимость и определил вектор движения России в сторону Востока как спасительный и одухотворяющий. В своём программном стихотворении “Ex oriente lux” (“Свет с Востока”) он описал этот вектор, рассказав о противоборстве Востока и Запада, Персии и Древнего Рима:

*“С Востока свет, с Востока силы!”
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.*

*Но не напрасно Прометей
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.*

*И кто ж до Инда и до Ганга
Стезёю славною прошёл?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орёл.*

Как писал поэт, в период падения Рима “душа вселенной тосковала // О духе веры и любви!”, и Восток ответил на этот вызов, а Россия должна рано или поздно выбрать, что из восточного наследия возьмёт она с собой в будущее:

*И слово вещее не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.*

*И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший из Востока,
С Востоком Запад примирил.*

*О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Как и его предшественники, Владимир Соловьёв тоже написал свой цикл “Из Гафиза”, в который включил 10 стихов, с характерными названиями: “Всех, кто здесь в любовь не верит...”, “В мрачной келье замкнул я все думы свои...”, “Если б ведал ум, как сладко...”, “Не мани меня ты, шейх...”, “Зачем ты пьёшь? я знать желаю!..” и т. д. Послушаем, как зазвучали в переводах Соловьёва “персидские максимы”:

*Языков так много, много!
И во всех звучит одно:
По-ромейски, по-фарсийски —
Верь в любовь и пей вино!*

* * *

*От улыбки твоей благодатной
Роз кустарник расцвёл ароматный,
А любви моей взоры горят
В ярком пурпуре этих гранат.*

Вспомнил поэт и самого “волшебника” Гафиза, назвав его праотцем:

*Воды, шумящие волны, — потоп угрожает!
Мудро в ковчеге себя сберегли вы —
В погребке винном, сидит там с сынами
Праотец наш, Гафиз благочестивый.*

*Здравствуй, о здравствуй, Ной нашего века!
Ты не отверг ни единой скотины, —
Только педант да ханжа нечестивый
Гибнут упрямо среди водной пучины.*

Удивительно, но Соловьёв именно в Хафизе увидел в конце XIX века образ “духовного спасителя” Ноя, предвосхитив тем самым тот огромный интерес к фигуре этого поэта, который пронизывал насквозь весь Серебряный век. И этот век заставил звучать “персидскую струну” ещё громче и напевнее, о чём рассказ ещё впереди...